

В саду, в павильоне для приёмов Ся Янь была одета в строгий атласный жакет с короткими рукавами и сатиновой подкладкой и расклешённую голубую шёлковую плиссированную юбку. Одежда была туго стянута вокруг её талии, без какой-либо лёгкости. Хотя она уже была матерью двоих детей, но, казалось, оставалась стройной, словно молодые девушки в самом расцвете. Её блестящая, влажная и упругая кожа была подчеркнута незначительными украшениями, в результате чего основной акцент был сделан на красивые аксессуары для волос. По сравнению со многими наложницами в резиденции, она была точно тонкий и элегантный силуэт чистого белого лотоса. Вдобавок ко всему, у неё был слабый образ умной и начитанной леди и, следовательно, она казалась чрезвычайно уникальной и красивой женщиной.

Когда взгляд Цзян Цюаня упал на неё, он стал довольно мягким:

– Тебе было тяжело, – его взгляд был полон нежности. Оказавшись в беде, вторая Инян больше не могла мириться с этой сценой. Когда её красивые брови, которые были тщательно нарисованы, поднялись, она намеренно тихо откашлялась:

– Лаое (1), мы можем, наконец, приветствовать Вас дома.

На самом деле, вторая Инян тоже была красавицей. Вот только, её красивые черты были несколько резкими, а с более худым лицом, она выглядела более пронзительной, чем Ся Янь, которая казалась сентиментальной и нежной. Кроме того, с её попыткой действовать покорно, чтобы снискать расположение, действия второй Инян казались несколько вынужденными. Поэтому Цзян Цюань, казалось, демонстрировал довольно нетерпеливое лицо и просто ответил рассеянно. Увидев это, руки второй Инян раздражённо обхватили и вцепились в подолы одежды.

У одетой в бледно-голубую декоративную юбку прямого покроя первой Инян, в уголке губ появилась улыбка, наполненная смирением, когда она тихо отступила в угол. По сравнению с двумя служанками рядом с Ся Янь, которые казались нежными, словно цветы, и утончёнными, как драгоценный нефрит, первая Инян, напротив, выглядела скорее как служанка второго уровня. Цзян Цюань, даже не взглянул на неё. Цзян Су Су затем шагнула вперёд с улыбкой:

– Отец (2) вернулся.

В обычные дни, когда он занимался своими официальными делами, Цзян Цюань постоянно был строг, однако, перед Цзян Су Су, он никогда не показывал такого лица. На его лице, казалось, появилась тень улыбки, когда он потянулся, чтобы погладить её по голове:

– Я привёз некоторые игрушки для тебя. Позже, я попрошу кого-нибудь принести их в твой двор.

Вспышка негодования, ненависти и ревности вспыхнула в глазах второй Инян, стоящей в стороне. Среди четырёх дочерей Цзян фу, единственной, кто получал такую особую привилегию, была Цзян Су Су.

Цзян Чао, который разговаривал со старой мадам Цзян, внезапно подумал о чём-то, прежде чем заговорить:

- Разве Жуань Мэй Мэй не вернулась домой, почему я ещё не видел её?

Улыбка Цзян Су Су стала вымученной, когда Цзян Цюань слишком внезапно вспомнил об этом. Его улыбка погасла, а брови нахмурились. Увидев это, Ся Янь улыбнулась и собиралась заговорить, когда вдруг услышала лёгкий девичий голос, который доносился из зала:

- Цзян Жуань приветствует уважаемого Отца (З).

Одновременно Цзян Цюань и Цзян Чао направили свои взгляды в сторону голоса, а затем увидели, как молодая девушка с прекрасными манерами, одетая в малиновый двухслойный жакет с вышивкой, двинулась вперёд. На груди у неё были вышиты красочные большие округлые узоры из восьми цветов и растений, а чёрные, как вороново крыло, локоны заколоты разноцветной бисерной заколкой. Её одежда казалась простой, но очень яркой. И наоборот, ещё более яркими казались её черты. Белоснежная кожа и вишнёво-красные губы, её ясные и красивые глаза, казалось, таили несметную страсть. И всё же, вопреки ожиданиям, из-под приподнятого капюшона хлынули холод и отчуждённость. Поэтому её красивый, спокойный взгляд были сродни и пылающему огню и леденящему холоду. Если Цзян Су Су можно было назвать человеком, обладающим изысканной красотой, которую отыскивали в человеческом мире, то чрезвычайно яркая и очаровательная молодая девушка перед их глазами была похожа на неземную красоту, которую невозможно найти в человеческом мире. От каждого её движения невозможно было отвести взгляд.

Шаг за шагом, пока она уверенно шла вперёд, манеры девушки и то, как она двигалась, были великолепно очаровательны. С благородным трепетом она остановилась перед Цзян Цюанем и мягко заговорила:

- Отец.

После этого слова оба, и отец, и сын, наконец, пришли в себя. Не веря своим глазам, эти двое едва могли оценить её. Это была старшая молодая леди Цзян фу, которая только что вернулась из деревенского поместья? По сравнению с той Цзян Жуань пять лет назад, сейчас она казалась другим человеком. Как снаружи, так и внутри почти не было видно фигуры маленькой девочки из прошлого. Но больше всего не поддавалось объяснению то, что по мере того как она приближалась, глаза девушки наполнялись непроницаемым взглядом. В этот момент она казалась им чужой, и в глубине души это заставляло чувствовать холодную дрожь. Однако, стоя перед ними, она очаровательно улыбалась, как будто этот холодный и отчуждённый взгляд был всего лишь иллюзией.

Испытующий взгляд Цзян Цюаня упал на Цзян Жуань, пока он медлил с ответом. Цзян Жуань остановилась, медленно подняла голову и прямо встретила взглядом с Цзян Цюанем.

В тот момент, когда Цзян Жуань посмотрела на него, она на долю секунды отвлеклась. В её

сердце зародилось какое-то непонятное чувство, похожее одновременно на печаль и радость. Сейчас Цзян Цюань всё ещё был в расцвете сил и выглядел известным и морально честным учёным. Тем не менее перед глазами Цзян Жуань, казалось, вырисовывался тот образ Цзян Цюаня, который она видела последним в своей прошлой жизни. В то время её собственный родной отец безжалостно затащил её в главный Буддийский зал Императорского мавзолея. В присутствии всех гражданских и военных чиновников императорского двора её обвинили в том, что Цзян Жуань была соблазнительницей, разорившей страну. Лёжа лицом вниз на полу, она едва могла поверить в то, что услышала, а глаза девушки расширились от шока. Напротив, его взгляд был полон безразличия и бессердечия. С таким унижительным взглядом, казалось, что он смотрел на единственное пятно, которое существовало в его жизни. После такого пронизательного взгляда, в глубине своего сердца она почувствовала ледяной холод.

Позже, когда Цзян Жуань была заключена в тюрьму и её мучила Цзян Су Су, в дополнение к новостям о том, что она вовлекла всю семью Чжао, она слышала о постоянном росте своего отца в официальных кругах. В своём продвижении он был повышен до самого высокого ранга среди чиновников и, в конечном счёте, стал признанным дальним родственником (уважаемой фигурой) семьи Императрицы: дядей по материнской линии Нации. Надевая официальную мантию, думал ли он когда-нибудь о её крови, пролитой им в качестве жертвы ради официальной печати (4)?

Более того, Цзян Цюань был именно таким человеком. Для Цзян Су Су, для Цзян Чао, для Ся Янь и, прежде всего, для себя, он хотел бы, чтобы она, Чжао Мэй и даже вся семья Чжао стали брусчаткой, которой можно проложить дорогу к его успеху. В её прошлой жизни или даже сейчас он действительно считал их своей семьёй?

Если бы можно было сказать, что в прошлой жизни, когда она была заключена в эту тюрьму, Цзян Жуань чувствовала отчаяние и разочарование, то теперь, снова наткнувшись на эти лица своей семьи из прошлого, для неё не существовало ничего, кроме ненависти.

Ненависть, как её могла не переполнять ненависть? Она жила жизнью свиньи, которая не могла передвигаться, из-за Цзян Су Су, она лично видела, как её маленький ребёнок подвергался насилию со стороны могущественного чиновника, кто ещё, кто сможет понять запредельную печаль, страдание и муки, которые она чувствовала в самой сердцевине своих костей? Услышав новости о том, что её близкие родственники и вся семья были казнены, она всё ещё не могла обратиться за помощью (5). И сейчас, как она могла рассказать о горе и негодовании, которые испытывала по отношению к ним? Поскольку подземный мир не принимал таких людей, как она, и заставил её вернуться в человеческий мир, как она могла смириться с тем, что эти люди не почувствуют вкус ада на земле? С момента своего возрождения Цзян Жуань уже отказалась от всех родственных связей с Цзян Цюанем и была настроена на месть.

Когда она слегка расширила свои большие глаза, её туманный взгляд внезапно стали немного яснее и ярче. Если присмотреться, то можно заметить слой ясности и спокойствия, словно поверхность прозрачного источника, текущего через горы, который не имел ни малейшей примеси. Голос человека, стоявшего перед ними, был мягким, словно ветерок, и он снова позвал:

- Отец?

За долю секунды Цзян Цюань пришёл в себя. И всё же, глядя на яркую и красивую улыбку своей старшей дочери, ему почему-то становилось не по себе. Взглянув на Цзян Жуань, он произнёс:

- Хорошо, что ты вернулась, - после этого, он больше ничего не произнёс.

Такое безразличие заставило даже Лянь Цяо и Бай Чжи позади неё чувствовать себя несколько возмущёнными. Словно не замечая этого, Цзян Жуань затем повернулась к Цзян Чао и улыбнулась ему:

- Второй брат (6).

Цзян Чао всё ещё оставался таким же, каким он был в её воспоминаниях, он был одарён яркой и весёлой внешностью. Несколько беспокойно он почесал голову, когда ответил с усмешкой:

- Жуань Мэй Мэй, - и всё же в его взгляде был намёк на неясный подтекст.

Двое детей Ся Янь были очень искусными в надевании масок людьми. В то время, вскоре после смерти Цзян Синь Чжи, вопреки ожиданиям, этот Второй Брат был очень добр к ней. Цзян Чао, казалось, обладал дружелюбным и щедрым характером, с которым, на первый взгляд, он всё ещё будет совершать глупые ошибки и терпеть некоторые убытки. Любой был бы готов подружиться с таким человеком. В частности, Цзян Жуань, которая только потеряла Цзян Синь Чжи, обнаружила, что она тоже может найти часть потерянной теплоты и привязанности в этом втором брате.

Однако суть дела заключалась в том, что этот глупый и честный молодой человек в конце концов женился на любимой дочери Правого Канцлера (7). И с этого времени Правый Канцлер стал частью фракции восьмого принца.

Теперь, когда она вспомнила, все те фантазии, которые у неё были в прошлой жизни, и её впечатление о Цзян Чао, всё замерло на той самой сцене, когда он попытался использовать свои чары в качестве средств в официальных кругах. Когда она наконец вошла во Дворец, это тоже можно было приписать её замечательному брату. Она всё ещё помнила его обещание и торжественную клятву: "С чрезвычайно красивой внешностью Мэй Мэй, после входа во Дворец, Мэй Мэй определённо получит благосклонность и любовь Императора. Иметь такую величайшую честь, уважение и славу - благословение для Мэй Мэй".

2. Die (爹) – неформальный способ сказать "отец", скорее в данном случае это "папа" в современном жаргоне.

3. Fùqīn (父亲) – формальный способ сказать "отец". Это резко контрастирует с тем, как Цзян Су обратилась к нему ранее и показывает уровень близости, которую каждая из них разделяет со своим отцом.

4. Guān yìn (官印) – официальная печать правительственного чиновника, это самый важный предмет, которым мог распоряжаться чиновник. Она представляет собой силу и индивидуальность человека, форму признания его статуса. Здесь Цзян Жуань говорит о том, что ее отец использовал ее грубо и жестоко, как мертвую ступеньку на своем пути к жажде власти.

5. Qíú zhù wú rén (求人无门) – это означает, что Цзян Жуань хотела найти помощи у других, однако, не было кого-то подходящего или способа получить помощь. Не было ничего и никого, кто мог бы вмешаться.

6. Èrgē (二哥) – Второй Брат.

7. Думаю речь об этом: В эпоху Сун, как правило, существовало два канцлера: старший (цзо, "слева") и младший (ю, "справа"). При этом старшинство не совпадало с полномочиями, так как младший по возрасту чиновник являлся более энергичным и, как правило, держал в своих руках более значительную часть министерских полномочий.

<http://tl.rulate.ru/book/11876/830883>